

МОТИВЫ ЛАГЕРНОЙ ПРОЗЫ В ТВОРЧЕСТВЕ С. ДОВЛАТОВА И С. ПАРАДЖАНОВА

ГАЛСТЯН БАКУР

*кандидат филологических наук доцент,
преподаватель кафедры русского языка НПУА
e-mail: hasmikbakurgalstyan@mail.ru*

КАРАГУЛЯН АСМИК

*кандидат филологических наук, доцент,
преподаватель кафедры армянского языка и литературы НПУА,
e-mail: hasmikbakurgalstyan@mail.ru*

В 1960-х и 1970-х годах интеллектуалы, охваченные либеральными идеями, продолжали преследоваться и преследоваться в Советском Союзе. В те годы сторонниками либертарианских идей были Довлатов и С. Параджанов. С. Параджанова и С. Довлатова преследовали в советское время. С. Параджанова много раз сажали в тюрьму, за свои взгляды Довлатов покинул страну. Работы С. Параджанова “Гранатовый цвет”, “Коллажи”, “Саят-Нова”, “Письма из тюрьмы” и прозаические произведения С. Довлатова метафорически выражают их либертарианские идеи.

Ключевые слова: свобода, творчество, инакомыслие, заключенный, тюрьма, обсуждение, культура, искусство, общественный просмотр, Советский Союз.

Тюрьма, каторга и ссылка в русской литературе - тема более чем обширная, уходящая своими корнями, может быть, к “Житию протопопа Аввакума”. Если к художественной литературе присовокупить документальные свидетельства, мемуары, публицистику, то это поистине безбрежный океан. Тысячи страниц воспоминаний декабристов, «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского, “В мире отверженных” П. Ф. Якубовича, “Остров Сахалин” А. П. Чехова, “Архипелаг ГУЛАГ” А. И. Солженицына, “Колымские рассказы” В. Т. Шаламова, “Крутой маршрут” Ф. А. Гинзбург, “Погружение во тьму” О. В. Волкова, “Зекамерон XX века” В. Кressa и еще многие художественные и документальные исследования образуют, очерчивают эту громадную, важную для России тему. Тюрьмы, остроги, лагеря - это изобретение не нового

времени..

В царской России осужденных отправляли в Сибирь, позднее - на Сахалин.

И первыми, самыми активными просителями за смягчение участии осужденных были писатели, создавшие целое направление в русской словесности, которое было достаточно мощным и заметным, поскольку свою лепту в него внесли многие художники слова прошлого века: Ф. М. Достоевский, П. Ф. Якубович, В. Г. Короленко, С. В. Максимов, А. П. Чехов, Л. Н. Толстой. Это направление условно можно назвать “каторжной прозой”. Свидетельства очевидцев, чудом выживших, спасшихся, восставших из мертвых, продолжают поражать читателя своей обнаженной правдой.

Основоположником русской “каторжной прозы”, безусловно, является Ф. М. Достоевский. Его “Записки из Мертвого дома” потрясли Россию. Появление в 1964 году в печати рассказа А. И. Солженицына “Один день Ивана Денисовича” ознаменовало, что занавес, скрывающий засекреченную область советской действительности, начинает приподниматься. Своим рассказом А. Солженицын положил начало новому направлению в советской литературе, названному позднее “лагерной прозой”. Дано определение данного понятия и его характеристика, которая основана на изучении творчества трех произведений различных писателей: “Воскрешение лиственницы” В. Т. Шаламова, “Зона” С. Д. Довлатова, “Кочевание до смерти” В. Е. Максимова. Лагерная проза - образ лагеря в творческой рефлексии писателей, обладающая следующими чертами: общая тематика и проблематика, экзистенциальная среда, автобиографический характер, документальность, историзм, художественное воплощение образа, особое пространство, особая психология человека, философское осмысление человека в ситуации несвободы. В “застойно-застольные” годы много общего можно найти в творчестве гениального С.Параджанова и С.Довлатова. Во всех фильмах, особенно в фильмах “Тени забытых предков” 1965, “Цвет граната” (1968), проходит жгучая и волнующая проблема свободы. Может быть в образе Саят-Новы Параджанов показал себя, окружающее, ту среду, в котором он жил. Эмир Кустурица первый фильм назвал самым гениальным фильмом о свободе.

Параджанов прекрасно знал и чувствовал, что спасение и смысл настоящей жизни – в творческой работе.

Именно в тюрьме он создавал то, что сегодня можно назвать “Письма из зоны”. Повторение мотивов мы видим в творчестве С, Довлатова С. Довлатов пишет “Я был ошеломлен глубиной и разнообразием

жизни. Я увидел, как низко может пасть человек. И как высоко он способен парить... Мир был ужасен. Но жизнь продолжалась. Более того, здесь сохранялись обычные, жизненные пропорции. Соотношение добра и зла, горя и радости – оставались неизменными".^[1]

Некоторое время писатель служил охранником лагерей, и "Зона" отражает его своеобразное восприятие жизни людей по ту и по эту сторону свободы. Литературоведы, исследователи творчества Довлатова считают "Зону" своеобразным проявлением экзистенциального мышления писателя. Заключенные и охранники, это две философии, две точки зрения, которые можно понять с точки зрения экзистенциального мировосприятия. Согласно Довлатову каторжник является "чудовищем, исчадием ада, а полицейский, следовательно, – героем, моралистом, яркой творческой личностью. А с противоположной точки зрения, каторжник "является фигурой страдающей, трагической, заслуживающей жалости и восхищения. Охранник – злодей, воплощение жестокости и насилия".^[2] Своеобразие повести Довлатова состояло в том, что он показал отношения заключенных с точки зрения "пограничной ситуации", то есть экзистенциального кризиса. В повести мы читаем следующие откровения. "Я обнаружил поразительное сходство между лагерем и волей... Мы говорили на одном приблаженном языке. Распевали одинаковые сентиментальные песни. Претерпевали одни и те же лишения. Мы даже выглядели одинаково... Мы были очень похожи и даже – взаимозаменяемы. Почти любой заключенный годился на роль охранника. Почти любой надзиратель заслуживал тюрьмы".^[3]

Из писем Параджанова, явно чувствуется, что зона разделила его жизнь на "до" и "после". Именно в тюрьме он начал создавать то, что мы сегодня можем назвать "Письма из зоны". Катанян В.В. в статье "Сережа, или страсти по Параджанову" пишет: "Но была вещь, о которой он не хотел разговаривать. Он не мог ее объяснить. Не в силах постичь свою несуществующую вину, приведшую к столь тяжелому наказанию, он каждый раз уклонялся от беседы на эту тему. О причинах ареста ему было говорить тяжелее, чем о самом заключении. На мой вопрос, почему он не хочет снять то, о чем говорит так образно, он отвечал: "Я не мог сам, добровольно, еще раз переступить порог тюрьмы".⁴

---

¹ Довлатов С. Д., Последняя книга, Санкт Петербург, 2012, с. 36.

² Довлатов С. Д., Зона, Санкт Петербург, 2012, с. 51.

³ Довлатов С. Д., Записные книжки, Санкт-Петербург, 2012, с. 6

⁴ Там же, с. 70.

Однажды он рассказал: “Как-то в зоне я увидел Джоконду, которая то улыбалась, то хмурилась, она плакала, смеялась, гримасничала... Это было гениально. Я понял, что она вечно живая и вечно другая, она может быть всякой – и эта великая картина неисчерпаема. Знаешь, почему она была то такая, то сякая? Когда во время жары мы сняли рубахи, работали голые до пояса, то у одного зека я увидел на спине татуировку Джоконды. Когда он поднимал руки – кожа потягивалась, и Джоконда смеялась, когда нагибался – она мрачнела, а когда чесал за ухом – она подмигивала. Она все время строила нам рожи!”¹

Оттуда он шлет матери прядь волос с просьбой, если он не вернется, похоронить их там, где похоронены родные... Он не был уверен, что возвратится, он знал, что его “вина в том, что я родился” (из письма Светлане), он знал, что была директива не выпускать его на волю никогда, что ему будет плюсовать срок за сроком – предлог всегда спровоцируют, - и так до конца, до смерти. Все это не оставляло места для оптимизма. Параджанов постоянно переписывался с родными и друзьями. В письмах был какой-нибудь коллаж, настоящее произведение искусства. Коллажи он делал из цветов и листьев, из конфетных фантиков, из старых газет. Все знали и понимали, что таким образом Параджанов выражает свое недовольство и мечтает о скорой свободе. Некоторые письма попали в музей Параджанова, и сегодня их можно увидеть.

В одном из писем мы читаем. “Получил – фиалки. Освоился с новым местом – пишу. Думаю, что все осложняется, надежд никаких. Надо ждать звонка. Это конец срока!!! Жутко, т.к. на эту среду я не рассчитывал. Это строгий режим – отары прокаженных, татуированных, матерщинников. Страшно! Тут я урод, т.к. ничего не понимаю – ни жаргона, ни правил игры. Работаю уборщиком в механическом цеху. Хвалят – услужлив! Часто думаю о Вас”.

В другом письме Параджанов пишет о своей судьбе. “Я, вероятно, не знаю, за что сижу и сколько буду сидеть. Я признал свою вину и должен был сидеть год. Однако я осужден на пять лет”.

Лагерная проза – образ лагеря в творчестве писателя С .Довлатова и режиссера С. Параджанова обладает следующими чертами: общая тематика и проблематика, автобиографический характер, документальность, историзм, художественное воплощение образа, особое пространство, особая психология человека, философское осмысление человека в ситуации несвободы.

---

¹ Там же, с. 67.

Список использованной литературы

- 1 **Яремчук А. М.**, Параджанов – “Безумный” гений в украинской пустыне”, М., Изд-во “Советский писатель”, 2009.
- 2 **Катанян В. В.**, Цена вечного праздника, Киев, Изд-во “Деком”, 2001.
3. **Параджанов С. И.**, Письма из зоны (190 писем /1974-1977/), Ереван, Изд-во “Гитутюн”, 2000.
4. **Довлатов С. Д.**, Последняя книга, Санкт- Петербург, 2012.
5. **Довлатов С. Д.**, Зона, Санкт- Петербург, 2012.
6. **Довлатов С. Д.**, Записные книжки, Санкт-Петербург, 2012.
- 7 "Семь дней", Нью-Йорк, N48, 1984.
8. Актеры, дяди, экзистенциалисты, интервью журналу Newsweek, 1989, 24 апреля.

**ԲԱԼՏԱՅԻՆ ՄՈՏԻՎՆԵՐԸ Ս. ԴՈՎԼԱԹՈՎԿԻ ԵՎ Ս. ՓԱՐԱԶԱՆՈՎԻ
ԱՐՁԱԿՈՒՄ**

ԳԱԼՏԱՅԱՆ ԲԱԿՈՒՄ

*Բանասիրական գիտությունների թեկնածու,
ՀԱՊՀ ոուսաց լեզվի ամբիոնի դոցենտ, ոուսաց լեզվի դասախոս
ԿԱՐԱԳՈՒԼՅԱՆ ՀԱՍՄԻԿ*

*Բանասիրական գիտությունների թեկնածու,
ՀԱՊՀ հայոց լեզվի և հայ գրականության ամբիոնի դոցենտ,
հայոց լեզվի և հայ գրականության դասախոս*

60-70-ական թթ. Խորհրդային Միությունում շարունակում էին հետապնդել և պատժել ազատատենչ գաղափարներով տողորված մտավորականներին; Այդ թվականներին իրենց ազատատենչ գաղափարներով աչքի էին ընկնում Ս. Դովլաթովը և Ս. Փարազանովը: Ս. Փարազանովը իր հայացքների համար բազմիցս բանտարկվել է, իսկ Ս. Դովլաթովը լթել է երկիր: Ս. Փարազանովի ստեղծագործություններում «Նուն գույնը», «Կոլաժներ», «Սայաթ-Նովա», «Նամակներ բանտից», և Ս. Դովլաթովի արձակ գրոծերում մետաֆորիկ ձևով արտահայտվում են նրանց ազատատենչ գաղափարները:

Բանալի բառեր՝ Ազարություն, սպեղծագործականություն,
այլախորհություն, բանդարկյալ, բանդ, քննարկում, մշակույթ, արվեստ,
հասարակական դիրքում, Խորհրդային Միություն:

MOTIVES OF PRISON PROSE IN THE WORKS BY S. DOVLATOV AND S. PARADJANOV

GALSTYAN BAKUR

PhD in Philology,

Associate Professor, Lecturer of Russian language

National Polytechnic University of Armenia,

KARAGULYAN HASMIK

PhD in Philology, Associate Professor,

Teacher of Armenian Language and Literature

National Polytechnic University of Armenia,

In the 1960s and 1970s, the Soviet Union continued to persecute and punish the intellectuals with libertarian ideas. During those years, Dovlatov and S. Parajanov were standing out with their freedom-loving ideas. S. Parajanov and S. Dovlatov were persecuted in the Soviet era. S. Parajanov has many times been imprisoned for his views and Dovlatov left the country. The freedom-loving ideas were metaphorically expressed in the works of "Color of Pomegranates", "Collages", "Sayat-Nova", "Letters from Prison" by S. Parajanov and in the prose of Dovlatov.

Key words: *freedom, creativity, dissent, prisoner, prison, discussion, culture, art, public viewing, Soviet Union.*

Հոդվածը ներկայացվել է խմբագրական խորհուրդ 28. 08. 2019թ.:
Հոդվածը գրախոսվել է 02. 10. 2019թ.: